

Научная статья
УДК 821.113.6+82.091
doi: 10.17223/24099554/24/4

Новые страницы жизни и творчества финско-шведского поэта-модерниста Эдит Сёдергран (1892–1923). Петербургский период 1902–1909 гг.

Любовь Юрьевна Сазонова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, luba.sazonova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена финскому поэту-модернисту Эдит Сёдергран (1892–1923), которая родилась в Санкт-Петербурге. Описывается период ее учебы в петербургской немецкой гимназии Петришуле и характеризуется записная книжка с первыми стихотворными опытами 1907–1909 гг., а также не введенные до настоящего времени в научный оборот рукописные тетради, хранящиеся в ее личном архиве в г. Хельсинки, Финляндия.

Ключевые слова: Эдит Сёдергран, Санкт-Петербург, гимназия Петришуле, Котье, гимназическая лирика, «Коленкоровая тетрадь», архивы, «Тетрадь по французскому», «Гостевая книга», модернизм в поэзии, литература XX в., Финляндия

Для цитирования: Сазонова Л.Ю. Новые страницы жизни и творчества финско-шведского поэта-модерниста Эдит Сёдергран (1892–1923). Петербургский период 1902–1909 гг. // Имагология и компаративистика. 2025. № 24. С. 63–89. doi: 10.17223/24099554/24/4

Original article

doi: 10.17223/24099554/24/4

New pages in the life and work of the Finnish-Swedish modernist poet Edith Södergran (1892–1923): The St. Petersburg period, 1902–1909

Lubov Yu. Sazonova

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
luba.sazonova@gmail.com*

Abstract. This article examines the life and work of Finnish Modernist poet Edith Södergran (1892–1923). Born in St. Petersburg, Södergran attended the prestigious Petrishule high school from 1902 to 1909. The study is grounded in primary source research, introducing previously unexamined materials from the Central Historical Archive of Saint Petersburg concerning her Swedish grandfather, Gabriel Holmroos, who left Finland in the mid-19th century for St. Petersburg. These documents, which detail his foundry on Malaya Posadskaya Street and a land plot on Sampsonievsky Prospekt, shed light on the family's financial standing. This stability allowed both Södergran and her mother to receive a first-class education. Further analysis draws on Södergran's archive at the Swedish Literary Society in Finland, specifically her underexplored handwritten notebooks – the "French Notebook" and the "Guestbook." Russian-language texts found within reveal her early interest in poetry and demonstrate that images from these juvenilia, such as the dominant motif of the sun, persisted into her professional lyrics. A key focus of the article is the role of Ludwig Heinrichovich Cottier, Södergran's French teacher at Petrishule. While foreign scholars often interpret her relationship with Cottier as a simple case of unrequited student infatuation, citing numerous poems addressed to him in her "Waxcloth Notebook," this study offers a different perspective. By cross-referencing the notebook with her personal letters, we argue that the feelings of the lyrical heroine do not necessarily reflect Södergran's own. Many of these poems appear to be training exercises in which the polyglot poet practiced various versification techniques. This is evidenced by their repetitive nature across all her juvenile languages: German, Swedish, and French. Nevertheless, these early works show that Södergran was already mastering diverse poetic techniques, particularly original epithets that generated uniquely individual imagery. This distinctive voice would become a hallmark of her mature work. The article proposes that Cottier, in reality, may have been the sole figure in her milieu with the intellectual capacity to discuss poetic creation, whether in person or in her

imagination. Tracing the evolution of her attitude toward him through her Juvenilia and supporting this hypothesis with quotations from her letters, the study constructs a more nuanced and detailed portrait of Södergran. This approach, firmly rooted in archival primary sources, validates the efficacy of the research methodology.

Keywords: Edith Södergran, St. Petersburg, Petrischule, Cottier, Juvenilia, Waxcloth Notebook, archives, French Notebook, Guestbook, poetic modernism, literature of the 20th century, Finland

For citation: Sazonova, L.Yu. (2025) New pages in the life and work of the Finnish-Swedish modernist poet Edith Södergran (1892–1923): The St. Petersburg period, 1902–1909. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 24. pp. 63–89. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/24/4

Имя финляндской поэтессы Эдит Сёдергран (1892–1923) в России связано со столицей империи Санкт-Петербургом, где она родилась и училась, и с поселком Рошино (бывш. Райвола) на Карельском перешейке, где она жила до поступления в школу (1892–1902), а также после возвращения из Швейцарии (1914–1923) и где похоронена.

Статья, которая является частью большой исследовательской работы, касается петербургского периода (1902–1909) и юношеских тетрадей Сёдергран-школьницы: в ней рассказано о семье Сёдергран, о роли немецкой гимназии Петришуле, а также о возможном влиянии преподавателя французского языка Генриха Людвиговича Котье на становление Сёдергран как поэта. Исследование проведено на материалах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и архива Шведского литературного общества в Финляндии.

Эдит Сёдергран родилась 4 апреля (23 марта ст. ст.) 1892 г. [Л. 299 об.–300] в семье петербургских «финляндцев». Термины «финляндцы», «финляндский» появились именно в Санкт-Петербурге. «В вышеупомянутой столице делают разницу между теми, для кого родным языком и языком образования является финский, и теми, кто, невзирая на различия в языке, по рождению или по праву подданства принадлежит к Финляндии. Первые, собственно, и называются финнами (Finni, Finnen, Finnois)... Вторые, напротив, получили имя фин-

ляндцы (Finlandsi, Finnländer, Finlandois)... Следовательно, в соответствии со здешним словоупотреблением, все жители Финляндии – финляндцы, но не все они финны» [2. С. 155–157; 3. С. 24]¹.

Дед Эдит Сёдергран по материнской линии крестьянин-швед Габриэль Михельссон Хольмрус² (в русском делопроизводстве – Гаврила Михайлович Гольмрос / Хольмроз) родился в местечке Бьёрно (шв. Björnä; фин. Perniö) на юго-западе Финляндии, где в течение многих веков компактно проживали шведы, и появился в Петербурге в 1848 г. [4. С. 11]. До приезда в столицу империи он получил первоначальные навыки обработки металла на заводе Fiskars недалеко от Хельсинки [4. С. 11]. Поработав некоторое время мастером-литейщиком в Петербурге, в 1882 г. вместе с партнером – прусским подданным он открыл собственное производство – чугунолитейный завод «Рейнеке и Гольмрос» [5. С. 328], который в 1890-е гг. был вторым по объему производства в Петербурге [6. С. 366³, 819; 7. Ст. 1206–1207]; для сравнения: в десять раз меньше завода Людвиг Нобеля «Русский дизель». Гаврила Михайлович был приравнен к купцам второй гильдии⁴. Он имел «доходный дом и каменное одноэтажное строение для чугунно-литейного и слесарно-механического завода» на Малой Посадской улице, дом 17–19 [9. Л. 13, 14, 28 об.], а также земельный участок в совместном владении в том числе с семьей Нобелей на Большом Сампсониевском проспекте [10. С. 21 об., 26 об. и сл.]. Семья жила на Петербургской стороне, в Певческом переулке (бывш. 1-ая Торговая ул.), дом 3, рядом с производством. В справочнике «Весь

¹ В словаре Шведской Академии SAOB приведено следующее значение термина в современной орфографии без указания его происхождения: «finländare – allmän benämning på medborgare i Finland utan avs. på ras» – собирательное название граждан Финляндии независимо от этнической принадлежности. Пояснение автора: шведы – нация германского происхождения, финны – нация финно-угорского происхождения.

² Шв. Gabriel Michelsson Holmroos.

³ Данные на 1890 г.

⁴ С 1863 г. в России оставалось две гильдии. Во вторую гильдию записывались те, кто занимался торговлей в розницу, и владельцы фабрик и заводов с числом рабочих более 16 чел. Плата за свидетельство – от 40 до 120 руб. Надзор за правильной выдачей свидетельств осуществляла казенная палата [8. С. 677].

Петербург» на 1894 г. предприниматель записан как Хольмроз Габриэль Михайлович, «владелец чугунно-литейного завода и домовладелец» [11. С. 252].

Единственная дочь состоятельного Хольмруса Елена, мать поэтессы, родилась в Петербурге в 1862 г. и вышла в 1890 г. замуж за финляндца Матса Сёдерграна (в русском делопроизводстве – Матвей Матвеевич), который уже много лет работал в России на предприятиях братьев Нобелей [4. С. 11]. Эдит также была единственной дочерью и внучкой в семье Сёдергран–Хольмрусов.

Согласно переписи 1869 г., в столице империи среди финляндских уроженцев насчитывалось 2 164 человека, для которых шведский язык был родным, что составляло 43% от всех петербургских шведов (5 164 чел.)¹ из Швеции и Финляндии [12. С. 111]. В сословной системе Российской империи финляндские подданные, а в официальной терминологии российского делопроизводства – «подданные Его Императорского Величества в Финляндии» выделялись в отдельное сословие [3. С. 218], причем они имели право оставаться приписанными в приходах Финляндии, даже если жили в России в течение нескольких поколений. Подданство Великого княжества сохранялось и переходило по наследству независимо от места рождения в Петербурге, России или собственно Финляндии [3. С. 49]. Таким образом, благодаря российскому законодательству все Сёдерграны – российские подданные – были приписаны и к приходу в Великом княжестве Финляндском, что автоматически сделало их «подданными Финляндской республики» после революции 1917 г.

Языком домашнего общения Хольмрусов–Сёдергранов был шведский. Однако петербургские шведы-финляндцы в деловом отношении тяготели к представителям немецкой общины, как делал и дед Сёдергран Гаврила Михайлович. К середине XIX в. немцы продолжали оставаться самой многочисленной группой иностранцев в Санкт-Петербурге [13. С. 96]. В 1897 г., по результатам первой всероссийской переписи, в столице проживало 50 780 протестантов-немцев, около 7% населения столицы. Немецкая диаспора в Санкт-Петербурге была не только самой большой, но и самой состоятельной. Немецкий язык был более востребован и давал большие перспективы, чем шведский.

¹ 0,8 % от всего населения Петербурга, в котором проживало 667 000 чел.

Поэтому и Елену Хольмрус, мать Эдит, определили учиться в школу немецкой общины Анненшуле, и Эдит, когда пришло ее время, так же начала учиться в немецкой Петришуле.

Петришуле – старейшая¹ и крупнейшая гимназия России – принадлежала немецкому приходу, но была приравнена к государственным гимназиям и располагалась в двух зданиях внушительной архитектуры в самом центре Санкт-Петербурга. Она давала образование высочайшего уровня. Выпускниками Петришуле в разные годы были Лев Сергеевич Пушкин, князь Павел Вяземский, граф Лев Витгенштейн, педиатр Карл Раухфус, архитекторы Тон, Бенуа, Кавос, Месмахер, а также Даниил Хармс, Юрий Лотман и другие выдающиеся деятели культуры и науки. В Петришуле были мужские классы и женское отделение². Гимназистки учились семь лет (классы Prima–Septima), восьмой класс (Selecta) не являлся обязательным, но давал диплом учительницы и возможность поступить на Высшие женские курсы. Обучение было платным, около 150 руб. в год с пансионом в начале XX века. Сёдергран училась шесть с половиной лет и ушла из Петришуле по собственной воле в январе 1909 г., за полгода до получения диплома. После этого она провела четыре года в туберкулезных санаториях Финляндии и Швейцарии. Вернулась в Россию в 1914 г. и поселилась в своем доме в поселке Райвола (совр. Рошино) на Карельском перешейке.

Из воспоминаний о школе Евгении Гуговны Штейн (Гельд), которая была старше Сёдергран на один год (класс)³:

¹ Основана в 1709 г. сподвижником Петра I голландским подданным Корнелиусом Крюйсом для немецких подданных; с самого основания преподавание велось на немецком языке. Полное название: Главное Училище при лютеранском приходе Святых апостолов Петра и Павла.

² Находились по следующим адресам соответственно: Невский пр., дом 22, и Малая Конюшенная ул., дом 5. Сейчас гимназия по-прежнему располагается в своих исторических зданиях, но официальный адрес стал иным: Большая Конюшенная ул., дом 8.

³ Материал предоставлен хранителем Музея Петришуле И.Б. Ермиловой. Публикуется впервые.

Как интересно, красиво вели уроки наши учителя! Учёные, имевшие свои труды, читавшие лекции в институтах. Все учителя были необыкновенными! Историк Александр Германович Вульфийус был очень требователен, заставлял нас ходить в читальные залы Публичной библиотеки и читать французских историков, когда мы проходили историю Франции; английских историков – когда проходили историю Англии. Мы изучали четыре языка – русский, немецкий, французский и английский, но не так, как проходят их сейчас. Мы проходили не только грамматику, но и литературу, весь курс, читали всех классиков и говорили, конечно, на всех этих языках.

Учителем пения был строгий профессор Гомилиус из консерватории, он был знаменитым органистом и иногда приглашал нас слушать собственные произведения на органе. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, в школу приходил знаменитый балетмейстер Мариинского театра Сергей Иванович Лукьянов и учил нас танцевать. Часто учителя водили гимназистов в музей, в ботанический сад. Так все наши учителя ревностно старались дать нам больше знаний, сделать из нас культурных людей. Недаром профессура институтов принимала осенью вновь поступающих студентов из нашей школы без экзаменов.

Добавим, что гимназисты российских государственных гимназий, к которым относилась и Петришуле, изучали теорию словесности, например, следующие темы: «Понятие о сочинении (сочинительстве) вообще. Состав сочинения. Слог и его свойства. Благозвучие слога. Стихосложение. Повествование и его виды. Рассуждение. Ораторская речь. Поэзия. Роды поэтических произведений. Главные виды народного и искусственного эпоса. Лирика народная и искусственная, виды ее. Драматическая поэзия. Трагедия. Драма. Комедия.» и др. [14. Л. 13 сл.]¹. Теоретические положения курса теории словесности подкреплялись и объяснялись примерами из произведений, которые были в программе. Разбиралась немецкая литература от эпохи классицизма до настоящего времени (начало XX в.), французская, древние авторы, Шекспир. В Петришуле была отличная библиотека – около 10 тыс. томов на европейских языках и на русском.

Несмотря на то, что доминировал немецкий язык, и в классах, и в коридорах требовалось говорить именно на нем, гимназисты находились в интернациональной среде. К примеру, в группе Эдит училось 29 девочек

¹ Программы не менялись с начала 1900-х гг., по информации из музея Петришуле.

разных национальностей и вероисповедания: 16 немцев, 9 русских, 5 финляндок, 2 польки и 4 девочки иудейской веры, как видно из рукописных документов, хранящихся в музее Петришуле.

Нам интересно знать о том, как училась Сёдергран. В ее истории болезни, которая находится в архиве в Финляндии, сохранилась запись о школьной нагрузке: «занятия начинались в 9 утра, и учащиеся занимались до 4 часов дня без перерыва для приема пищи. Однако пациент не жаловалась на усталость» [15. С. 28]. Общая обстановка была «свободнее и естественнее», как отметила Елена Сёдергран в своих заметках, чем в Анненшуле, когда там училась она. Судя по переводным ранжированным ведомостям учениц из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга за 1903, 1905, 1906 гг. с пометами об успеваемости, можно сделать вывод о том, что Сёдергран была достаточно способной и старательной ученицей: она занимает одну из верхних строчек – третью или четвертую, со средней оценкой 4,5 по пятибалльной системе [16. Л. 7; 17. Л. 7; 18. Л. 7]. На первом месте всегда отмечена англичанка Туснельда Томсон (англ. Thusnelda Thomson). С одноклассницами, по воспоминаниям матери поэтессы, Эдит была в хороших отношениях [19. С. 2]. О том, с кем дружила Сёдергран, ничего не известно, однако в своей лирической записной книжке, так называемой «Коленкоровой тетради» (шв. *Vaxdukshäftet*), она обращается к некоторым одноклассницам, например, к Полине Орловской, Салли Рейконён [20. С. 69–82; 21. С. 23]. С Тайми Суоминен они общались и после отъезда из Петербурга: в мае 1911 г. Сёдергран писала ей о своих планах поступать в Хельсинки в училище, где готовили учителей [22. С. 28]. Но самой близкой подругой Сёдергран, по воспоминаниям Елены Сёдергран и других матерей, была Полина Орловская, которая, как и Сёдергран, не окончила курс. Сохранились фотографии Орловской в саду на даче Сёдергран в Райволе и несколько посвященных ей стихотворений [21. С. 46, 47].

Сёдергран с детства очень много читала, и не только по программе. О книгах и о русских современных литературных журналах, которые были у нее дома, написал в своей диссертации «Экспрессионизм в лирике Сёдергран» шведский литературовед и писатель Эрнст Бруннер [23. С. 74–78], который подробнее всех зарубежных исследователей обрисовал литературную обстановку в России в начале XX в. [23.

S. 53–78] и возможный обширный круг чтения Сёдергран. Примечателен в этой связи также материал «Провидица или шарлатан?» (шв. *Sierska eller svindlerska*), напечатанный в 1919 г. в гельсингфорской газете «Dagens Press», в котором, после острой полемики в обществе по поводу творчества Сёдергран, по заказу редакции известный в Финляндии невролог Гарри Фабрициус давал оценку ее психики. Не найдя у поэта заметных для специалиста отклонений, он отметил, что поэзия Сёдергран может быть сложна для восприятия современниками и что скорее всего понимать ее будут следующие поколения, но сообщил, однако, что поэзией она была «пропитана» с детства. Как доказательство Фабрициус привел случай, когда совершенно случайно много лет тому назад один раз общался с юной Сёдергран. «...Ей было лет 10–12. Я был у них в доме проездом вместе со своим родственником..., представившим ее следующим образом: “сейчас познакомлю тебя с оригинальной барышней, по внешнему виду которой ни о чем не догадаться. Однако, не говори с ней о литературе, она поразит тебя с первого раза во всем, что касается написанного, хоть на русском или французском, немецком, английском и на каком угодно языке”» [24. С. 4].

О серьезном интересе молодой Сёдергран к поэзии, кроме изданной в 1961 г. ее записной книжки, за которой закрепилось название «Коленкоровая тетрадь», где записано 238 ювенилий на четырех языках и о которой подробнее речь пойдет ниже, свидетельствуют два ранних малоизученных источника из наследия поэта, хранящегося в архиве Шведского литературного общества в Финляндии: «Тетрадь по французскому» (фр. *Francais*), начатая в пятом классе Петришуле в 1906 г. (последняя запись сделана в 1911 г.) [25. Л. 1–237], и «Гостевая книга» (шв. *Minnesalbum*), первая запись в которой датирована 1907 г. (последняя запись – в 1920 г.) [26. Л. 1–180]. Эта часть наследия Сёдергран не введена в научный оборот и до сих пор существует только в рукописном виде. Во «Французской тетради» 237 страниц, упражнений по французскому в ней незначительное количество, есть записи на финском языке, на английском, арифметический счет, но основное место занимают поэтические и прозаические цитаты на разных языках, в том числе на русском. Рукой Сёдергран сделаны записи из Лермонтова, Рильке, Шекспира, Яхонтова, Надсона, Лонгфелло,

Крылова, из шведских поэтов – романтика Эсайаса Тегнера и неоромантика Густава Фрёдинга, немецкого поэта-экспрессиониста Макса Даугендея (а также мысли Леонардо да Винчи, Буало, Ларошфуко, Паскаля, Бэкона, Доде, Вольтера, Багратиона, Бальзака, Чехова, Бисмарка, Ницше, Рёскина (Раскина), финских шведских поэтов Арвида Мёрне и Яльмара Прокопе, японские, литовские и индийские пословицы и др.). На самой первой странице «Французской тетради», запись, вероятно, сделана в 1906 г., есть очень показательные для увлеченной поэзией Сёдергран строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Не верь себе» 1839 г. [25. С. 1]:

Как язвы, бояся вдохновенья...
Оно – тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи –
То кровь кипит, то сил избыток!

В поздней лирике и письмах Сёдергран встречаются строки, подобные лермонтовским, когда поэтесса пишет о внутреннем огне в моменты появления интуитивного вдохновения. Призвание открылось Сёдергран не сразу, и стихосложение было для ее эмоциональной натуры тяжелым испытанием: «будто языки пламени рвутся из тела» [27. С. 64]. Примечательна также цитата из Гете: «Свою звезду не выбирают, ей следуют», что соответствует мыслям Сёдергран о том, что поэтический дар был дан ей свыше, она лишь приняла его, о чем писала в стихотворениях, напечатанных в сборниках «Розовый алтарь» (1919) и «Тень грядущего» (1920).

В другом малоизученном архивном документе, «Гостевой книге» (шв. Minnesalbum), где делали записи посетители и знакомые и который Сёдергран брала с собой во время поездок, всего 180 страниц. Разными почерками записаны стихи Щепкиной-Куперник, Козлова, Фета, Брюсова, Бальмонта, Северянина (а также цитаты из Бхагават-Гиты, Тургенева и др.). Особенно привлекает внимание стихотворение Константина Бальмонта «Будем как Солнце» 1902 г. [26. С. 119]:

Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,

К новому, к сильному, к доброму, к злому,
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному,
В нашем хотеньи земном!
Будем, как Солнце всегда молодое...

В лирике Сёдергран с образом солнца связано большое количество стихотворений, как, например, «Триумф жить» (шв. *Triumph att leva*) (1916) из сборника «Сентябрьская лира» (шв. *Septemberlyran*) 1918 г., в котором ее лирическая героиня сливается с солнцем и продолжает жить вечно: «Я хожу по солнцу, / я стою на солнце, / я ничего не знаю, кроме солнца... //»¹ (шв. *Jag går på sol, / jag står på sol, / jag vet av ingenting annat än sol... //*) – а солнце наполняет ее своим медом до края [28. S. 161], или в стихотворении «Солнце» (шв. *Solen*) из сборника «Тень грядущего» (шв. *Framtidens skugga*) 1920 г., где она хочет стать частью солнца, как мушка в янтаре: «Солнце целует меня... / А однажды я вплавлюсь в него, как та мушка /в кусок янтара... //» (шв. *Solen har kysst mig... / En gång skall jag spinna mig in i solen som en flyga/ i bärnsten... //*) [28. S. 329] – и во многих других стихах отождествляет поэзию с солнцем, как это делали русские поэты. Хагар Ульсон, финляндский литературный критик и подруга Сёдергран, писала о том, что Сёдергран «была дитя солнца, все ее существо было солнечным... Это ощущение появлялось в ее присутствии, и это было очень сильное чувство. Казалось, она чисто физически носила в своей груди солнце, настолько сильным было ее лучезарное обаяние, разливавшееся вокруг, так что все вибрировало жизненной энергией. Радости в ней было через меру...» [27. S. 50]. Запись сделана в 1919 г., когда Сёдергран была больна туберкулезом в тяжелой форме.

Таким образом, на приведенных выше примерах из рукописной тетради и гостевой книги можно проследить ранний характер интереса Сёдергран к литературе и поэзии, его устойчивость и глубину знаний, внимание к образам и метафорам, которые перешли в лирику модерниста. Эти документы являются важным источником для понимания поэзии Сёдергран, поскольку демонстрируют ее литературный вкус и мировоззрение на раннем этапе, которые формировали ее и в

¹ Все переводы на русский язык выполнены автором статьи.

дальнейшем. Следует также отметить безусловную важность влияния программы Петришуле на образование и ее становление как поэта.

Обратимся к гимназической лирике Сёдергран из «Коленкоровой тетради». Эту тетрадь 1907–1909 гг., когда поэту было 14–16 лет, зарубежные ученые называют «поэтическим журналом» [20. S. 16], «дневником» Сёдергран и за неимением достаточно достоверных данных о ее жизни в Петербурге и школьном укладе предлагают оценивать ювенилии, прежде всего, в связи с событиями жизни и психоэмоциональным состоянием поэта, применяя таким образом биографический подход в изучении творчества Сёдергран. Возможно, это связано с тем, что когда-то в своих записках Елена Сёдергран неосторожно написала, что гимназические стихи ее дочери были связаны с «радостными и печальными событиями» жизни [19. S. 2]. Обратимся к этим первым самостоятельным поэтическим опытам Сёдергран. О простеньких детских созвучиях мать Эдит упоминает в своих записках, однако версифицировать Сёдергран начала только в пятом классе Петришуле, что вполне может быть связано со школьной программой. В школе стихосложение поощрялось – ученицы выпускного класса должны были оформить личный поэтический альбом – подношение учителям, пример такого альбома гимназистки Эрики Руссвурм сохранился в музее Петришуле: на каждом развороте страницы помещен силуэт одного учителя и стихотворное обращение к нему на немецком языке. В своем коленкоровой записной книжке Сёдергран написала за два года 238 стихотворений на четырех языках: немецком (207), французском (4), шведском (26) и русском (1), таким образом больше всего – на немецком и шведском. Многие из них, как считают исследователи, можно назвать подражательными – Иоганн Гете и Генрих Гейне были для нее любимыми из немецких поэтов [21. S. 35]; в ювенилиях на немецком языке Сёдергран чаще всего использовала метрический шаблон Гейне. В записной книжке есть страницы с пометами ямба, хорей, ведется счет стоп, много исправлений. Заметно, как Эдит работает над каждым стихотворением. Темы стихотворений разные: школа и подруги, природа, рыцари, Петербург. Вот одни из примеров конвенциональной поэзии на немецком языке.

Ich liebe die staubigen Strassen
Ich liebe die lärmende Stadt,

Ich weiss, welchen seltsamen Zauber
Ein Garten in Mauerwerk hat.

Ich liebe die grünliche Nawa
Am Abend beim Mondenschein,
Dann schimmern tausend Laternen
Ins schillernde Wasser hinein.

Ich lieb' den botanischen Garten
So schattig und duftig und grün
[Wo] Palmen und blasse Lilien
In dem Gewächshaus blühh. [21. S. 62]

‘Люблю эти пыльные улицы, / Люблю этот шумный град, / Я знаю, какие сокровища / Прячет в каменной кладке сад. // Люблю зелёные воды / Невы, когда лунный свет, / И в мерцании тёмных волн / Миллионы блестят фонарей. // Ботанический сад мне был милым, / Тенист он и запахов полн. / В нём пальмы и бледные лилии / Нашли себе тёплый дом’.

В гимназии изучали немецких романтиков, и стихотворение напоминает поэзию Генриха Гейне, его «*Buch der Leiden*». Использован конвенциональный размер: четырехстопный ямб. Рифма неточная – зарифмованы разные части речи, чередуются женская рифма в нечетных: *Strassen-zauber*, *Newa-Laternen*, *Garten-Liljen* и мужская рифма в четных стихах: *Stadt-hat*, *Mondenschein-hinein*, *grün-blühh*. О Петербурге Сёдергран написала около 20 стихотворений на немецком языке.

Как было отмечено выше, обучение в Петришule проходило полностью на немецком, но гимназисты учили разные языки, которые преподавали педагоги-иностранцы. В 1906/07 учебном году, когда Эдит была в пятом классе, учителем французского в ее классе стал французский подданный парижанин Анри Луи Котье (*Henri Louis Cottier*), но в Петербурге и в Петришule известный под германизированным именем – Генрих Людвигович Котье. Елена Сёдергран пишет, что ее дочь говорила с восхищением о своих учителях французского языка: о Марте Майал-Кампиш (*Fräulein Marthe Majal-Campiche*), которая вела уроки в младших классах, а в старших классах – о Котье. Обожание конкретных учителей, как это было обычно в российских гимназиях, в данном случае учителей французского, было стимулом

хорошо учить язык. Младшая Сёдергран им прекрасно овладела, что, по мнению ее матери, было также наградой и радостью для учителя (фр. *elle est la récompense et la joie d'un maître*) [19. S. 2]. Однако если Кампиш посвящено лишь одно стихотворение [21. S. 10], то Котье прямо или косвенно посвящена практически треть стихотворений из записной книжки на разных языках, что стало причиной для зарубежных исследователей серьезно обсуждать тему любви гимназистки к учителю. В связи с этим остановимся подробнее на личности педагога и его влиянии на Сёдергран-поэта.

Анри Луи Котье родился в Париже в 1869 г. Известно, что в мужских классах Петришуле он преподавал с 1897 г. [21. S. 91]. Его имя зарегистрировано в справочниках «Весь Петербург» на 1900 и 1904 гг., где указано, что он проживал в Аптекарском переулке, 4, т.е. рядом с Марсовым полем и Петришуле. В справочнике на 1900 г. он записан как Генрих Людвигович Котье [29. С. 298], а уже в 1904 г., как многие иностранцы (перешедшие в православие), с отчеством Федорович [30. С. 331]. В справочниках перечислены учебные заведения, где в разные годы работал Генрих Людвигович / Федорович Котье: Главное немецкое училище Св. Петра, Вторая гимназия, Женская гимназия Е.В. Стависской и Женская гимназия при училище Св. Петра, т.е. женская Петришуле, где училась Сёдергран. Под той же фамилией и по тому же адресу в 1904 г. зарегистрирована Ираида Алексеевна, возможно, его русская жена, о которой гимназистка Сёдергран пишет в одном из своих стихотворений как о несчастной женщине с пустым взглядом и усталой походкой [21. S. 153]. Сёдерграны в начале века жили на Сампсониевском проспекте, дом 18 [31. S. 104], и маршрут в школу и домой от трамвайной остановки мог идти по Аптекарскому переулку, который в ювенилиях фигурирует как «мрачный переулок» (шв. *dyster gränd*) [21. S. 147], хотя в действительности таковым не является. Котье был известен собственной методикой преподавания французского, был уважаем коллегами и любим учениками.

Генрих Людвигович не только обучал языку, но и поощрял чтение на французском. Школьная программа французской литературы была серьезно продумана. Котье читал лекции о Шатобриане, Гюго, Ламарти, Мюссе, де Виньи, Санд, Бальзаке, Флобере, Стендале, Мериме, Сент-Бёве, Леметре, Леконте де Лилле, Франсе [14. Л. 18]. Эти авторы входили в программу последнего, восьмого, года обучения в классах

Selecta, однако в сопроводительном тексте указано, что она дополняет и расширяет программы младших классов. Возможно, именно благодаря руководству Котье Сёдергран прочитала в оригинале пьесу Мольера «Ученые женщины», «Отверженных» Виктора Гюго, новеллы Мопассана и Альфреда де Мюссе [20. S. 32]. Некоторые выписки из этих произведений можно найти во «Французской тетради». Котье, кроме того, читал историю французского языка, давал знания по теме «галлицизмы», accent tonique (тоническое ударение. – *пояснение автора, Л.С.*), doublets (близкие по значению, но дифференцированные в процессе развития языка семантически или стилистически языковые единицы. – *пояснение автора, Л.С.*) и другим специальным темам, а также вел занятия по языкам-арго: коммерция, морской, военный. Это был действительно высоко интеллектуальный, вероятно, уникальный педагог.

Вот как характеризует его Евгения Штейн: «Месье Анри Котье был очень образованный, умный, интересный человек. Это не был “французик из Бордо”, какими были тогда ещё иногда учителя. Он знал русский, немецкий и английский языки по-настоящему, знал их литературу. Ему мы обязаны больше всего в жизни. Французский язык стал нашим любимым. Мы удивляли профессоров своими знаниями грамматики языка нового метода, которому нас научил наш учитель. Он был другом всего нашего класса».

Юные гимназистки уделяли талантливому педагогу с приятной внешностью много внимания, писали шуточные стихи. Вот, например, стихотворение из вышеупомянутого выпускного альбома 1906 г. гимназистки Руссвурм на немецком языке: «Интереснейший спектакль / Дает наш “Коридор”, / Ведь ещё до начала урока / Там много происходит. / Herr Котье широким шагом / Спешит в свой класс. //» (нем. Ein zu intressantes Sc hauspiel / Bietet unser "Korridor", / Denn for dem Beginn der Stunde / Geht gar Vieles noch dort vor. / Herr Cottier mit langen Schritten / Eilt zu seiner Klasse him. //). Сёдергран также написала шуточное стихотворение для Котье 4 июня 1909 г., когда он прощался с ее бывшим классом, а гимназистки «отчаянно плакали» (шв. gråta så våldsamt), в трех строфах которого использовала рефрен: «Счастье, Вам его никогда не найти» (фр. Les bonheur, Vous ne le trouverez jamais) [22. S. 23]. Таким образом, стихи, обращенные к педагогам,

были гимназической традицией, а Котье был интересен не только Сёдергран.

Именно Котье адресовано первое стихотворение, открывающее «Коленкоровую тетрадь» 29 января 1907 г. [21. С. 9], когда Сёдергран была в пятом классе (в марте 1907 г. ей исполнилось пятнадцать лет). Необходимо пояснить, что гимназистка не сдерживала своих эмоций – ее записная книжка не была предназначена для публикации или чтения посторонними, как, например, стихи ее сверстницы Марины Цветаевой в том же возрасте («Вечерний альбом» был издан в 1910 г.). Сёдергран писала рифмами о серьезном: о том, как проходили уроки французского, о новом, ставшем знаменитым, авторском методе Котье для усвоения грамматических правил и особенно спряжения глагола, однако самое большое число стихотворений написано о безответном романтическом чувстве лирической героини к педагогу. В своем «стихотворном дневнике», о котором знала она одна, Сёдергран открыто восхищалась внешностью Котье, подбирала точные выражения для передачи реального облика своего героя: волосы Котье – «соль и перец», его глаза «черные и горящие», походка «твердая уверенная», осанка «прямая», внешний вид «элегантный», что подтверждается сохранившимися фотографиями (материал предоставлен хранителем Музея Петришуле И.Б. Ермиловой).

Стихотворения написаны на немецком, французском и шведском языках в основном в 1907–1908 гг. Вот, например, запись под номером три, т.е. в самом начале «Коленкоровой тетради»: «Он элегантный, очаровательный (нем. *süss*) стройный», «говорят, ему 38» [21. С. 10]. Сёдергран использует немецкое слово '*süss*' (сладкий; очаровательный) как синоним французскому '*charmant*' в нескольких стихотворениях. Иногда в немецком тексте она называет своего учителя по-русски «котик», как например, в стихотворении 1907 г.: «Как ярко светят звезды, / Как морозна ясная ночь. / О КОТИКЕ мечтать я / сейчас совсем не прочь! //» (нем. *Wie hell die Sterne scheinen / Wie kalt und klar [die] Nacht / Ich habe sie in Gedanken / An КОТИКА verbracht. //*) – и далее о том, как она «страждет мучительно и больно» (нем. *Ich wünsche heiss und schmerzlich*) [21. С. 65]. Интересно, что в записанных на немецком стихах слово «Котик» встречается по-русски и с заглавной буквы, однако шведские комментаторы не поняли созвучность слов Котье–Котик и перевели шуточное имя педагога на шведский

буквально: «котенок» ‘kattunge’, искажив, таким образом, поэтическую идею, сделал ее банальной.

Рис. 1. Генрих Людвигович / Федорович Котье.
Дата снимка и автор неизвестны. Фотография из архива Петришуле

Рис. 2. Генрих Людвигович / Федорович Котье.
Дата снимка и автор неизвестны. Фотография из архива Петришуле¹

¹ Фотография воспроизведена ранее в издании Шведского литературного общества в Финляндии [32. S. 16].

Образ «Котика», которого лирическая героиня Сёдергран прижимает к груди, и кот-счастье (шв. luskokatt) [28. S. 79] перейдут в лирику зрелого периода. Интересно стихотворение на немецком «Что я любила. Подражание» (нем. Was ich liebte (Imitation) [21. S. 20]. Оно начинается с традиционных образов «пьянящего запаха сирени» [нем. schweren Syringeduft], «черных очей» [нем. schwarze Augen], «меланхолического взгляда» [нем. melancholischem Blick]. Однако далее Сёдергран пишет, что эти образы есть дурновкусие [нем. schlechten Geschmack] и остались для нее в прошлом (нем. in alter, /Urvergangenen Zeit.../), сейчас же для ее поэзии важнее другой идеал, и далее пишет о свежести идеала Котье. Однако, возможно, в ее словах можно прочесть иной смысл: она потеряла интерес к романтическим образам немецкой поэзии, которой в школе было очень много. У лирической героини гимназистки появляются «свежие» мысли, связанные теперь с другим языком – французским и с его носителем Котье. Она мечтает о совместном будущем с ним – тогда они смогут говорить о поэзии. Позволим выдвинуть гипотезу о том, что Котье не только учил французскому и руководил чтением французской литературы, но и познакомил гимназисток с французским стихосложением, в том числе, возможно, с Alexandrin, поскольку у Сёдергран появляются стихотворения на французском языке в более «свежей» для нее и более свободной, чем немецкий рифмометрический стих, форме. Их всего четыре, и все они посвящены Котье. Теперь уже на французском Сёдергран снова описывает его внешность и свои чувства: «люблю его безумно, и обожаю коленапреклоненно» (фр. ...Je l'aime comme une folle et l'adore á genoux) «блеск его глаз» (фр. L'éclat de ses yeaux), «его воинственный вид» (фр. son allure martial), которые «пленили мое сердце» (фр. qui ont pris mon coeur). Однако тот, «кто видел мою радость и знает мою боль» (фр. qui ont vu ma joie et connaissent ma douleur), не замечает, «что я задыхаюсь, что моя душа полна» (фр. que mon coeur étouffe, que mon âme est plein) [21. S. 142]. Описание внешности Котье на французском ярче всего передано в неоконченном стихотворении, написанном 14 июня 1908 г., где весь «его образ, как отражение дня в нашей реке» (фр. Son visage est pareil / Aux reflets du soir / Dans le beau miroir / De notre rivière... /), «...Глаза, как утреннее солнце.../» (фр. Les yeux sont pareils / Au soleil du matin.../), волосы, как «белые облака» (фр. nuages tout blancs), дыхание, «как осенний ветер» (фр. vent

de l'automne), а усы, которые привлекают внимание на фотографиях, «как крылья ворона» (фр. *Ses moustaches sont pareilles / Aux deux ailes de corbeau...//*) [21. S. 132]. На этом стихотворении видно, как с одной стороны, Сёдергран тренирует французский сравнительный оборот, а с другой стороны, использует образы и эпитеты собственного изобретения, отличные от немецкой романтической традиции, развивая в себе способность наблюдать и точно, и в то же время с определенной долей психологизма, описывать внешность. Вскоре после французских упражнений Сёдергран переходит полностью на шведский язык, и снова в описаниях преобладают внешность Котье и эмоции, т.е. продолжается отработка знакомого образа, но в новой еще более свободной технике: «глаза его черные с грустью, на вид он высок, худощав», «он стрелой мне в сердце попал», «душа и все мои мысли, небеса и земной простор, сошлись в упоительном имени, ловят пылающий взор», и таких примеров достаточно много.

Однако как предмет внимания и любви Котье скоро ушел из сердца гимназистки и поэта. Весной 1908 г. она писала с юмором о нем и о своей несдержанности: «когда я смотрю на свой идеал, мне хочется и плакать, и смеяться» (шв. *...när jag betraktar min ideal, / Måste jag gråta och skratta./*) [21. S. 126], называя всю историю «нелепой» и «глупой» (нем. *ridikul*; шв. *löjlig*). В то же время следует отметить, что к Котье Сёдергран обращалась до последних записей в своем блокноте. Возможно, что именно эта «любовная история» стала для нее импульсом для сочинительства, и когда Сёдергран стала более уверенно отходить от традиционных приемов стихосложения, она была благодарна Котье за вдохновение и «свежее» знание. Возможно, реальная Сёдергран контролировала свои эмоции, но позволяла своей поэтической героине немного помечтать. О такой трактовке отношений педагог – гимназистка позволяет задуматься собственное письмо Сёдергран, датированное 13 июня 1908 г. [22. S. 15]. Оно адресовано хорошему знакомому семьи «дяде» (шв. *farbror*) Уно Бакеру (*Uno Backer*). Уно Бакер (1843–1911), по информации Шведского литературного общества, служил инженером на заводе Нобеля (вероятнее всего, на «Русском дизеле», но эту догадку предстоит проверить) и был по работе знаком с Матвеем Матвеевичем Сёдерграном, отцом Эдит [22. S. 14]. Возможно, добрые отношения со старым петербургским приятелем тогда уже покойного отца позволили гимназистке

быть особенно искренней и доверительной; позже она будет много писать семье Бакеров из Швейцарии. Вот чем она поделилась в этот раз: «Я читаю прелестные французские истории с благоговением и благочестивыми мыслями... О летнем приезде моего Котье мне ничего не известно; но я не могу расстраиваться по этому поводу так, как мне хотелось бы; вероятно, я стала черствой и малочувствительной... И все же я хотела бы сообщить двум гельсингфорцам о новом явлении: о звезде, которая возшла над голубым небом Франции, а теперь продолжает свои грамматически-анекдотические радостные дни в вышине петришуленских классов». И далее Сёдергран переписывает для «дяди Уно» свое шуточное стихотворение о Котье на шведском, которое начинается так: «Я влюблена в учителя французского» (шв. *Jag är förälskad i min franska lärare /...*), в котором подробно описывает его внешность, упоминая о схожести с Мопассаном, его строгость, элегантность, ироничность и свое смущение от общения с ним в классе [22. S. 16]. В письме она комментирует свое «творение» следующим образом: «я постаралась описать его в приличествующей форме (шв. *lämplig form*), как можно кратко. Пусть тебя не пугает странность формы, и только не думай, что это какая-то безумная любовная чушь... Теперь, когда, вскрытие произошло, я вижу, насколько оно было бессмысленно. Невозможно описать личность, особенно если ее обожаешь». О «форме» стихотворения отметим следующее: стихи не зарифмованы, строки разной длины, строфы объединяет конкретная деталь внешности или поведения, но в них разное количество строк, отсутствуют признаки, создающие архитеконику *vers libre* Сёдергран периода зрелого творчества, а именно анафора или параллелизм. Однако оно не является простым перечислением характерных черт педагога, в нем есть аллитерации и ассонансы, применяются приемы звукописи. Письмо не было отправлено, но сохранился его черновик [22. S. 17]. Если верить содержанию письма, то отношение Сёдергран к Котье следует пересмотреть и сделать вывод о том, что в своем поэтическом вымысле она тренировала не только приемы стихосложения, но и училась точно выражать оттенки чувств и особенности внешности на примере выдающегося во всех отношениях Котье, что, по ее собственному мнению, не всегда было удачным.

Важно отметить, что многие стихотворения в «Коленкоровой тетради» проникнуты настроением одиночества и чужести, непониманием того, кому ее поэзия может быть нужна и близка, как, например, в стихотворении 22 сентября 1908 г. на немецком: «я не знаю, кому нести свои песни, / ...Но я проклиная одиночество / и ищу по всему миру / хоть одно сердце» (нем. Ich Weiss nicht, wem meine Lieder bringen, / ...Ich aber verfluche Einsamkeit / Und suche in der weiten Welt / Nach einem Herzen...//) [21. S. 141]. Возможно, роль «понимающего сердца» играл в какой-то период и Котье, что хорошо видно на примере двух стихотворений 1909 г. на шведском: «но он мудр, мой любимый, ибо знает, / Что душа поэта в вечном поиске, / и что она видит, когда работа завершена, / Что еще не достигла блаженства. //» (шв.: ...Men han är klok, min älskling, ty han vet, / Att diktarsjälen söker utan ända, / Och att den ser, när verket sig fulländar / Att den ännu ej nått sin salighet) [21. S. 223] и «...Поэт ищет в мире / Место для своей тоски и веры, / Она становится его прекрасным храмом, / В котором живут его мечты. / ...И, может, я найду в нем / Место для своей тоски и веры, / Где мои мечты будут качаться / В покое и тишине. //» (шв.: ...En diktare söker i världen / En ort för sin längtan och tro, / Den blifver hans härliga tempel, / I vilken hans drömmar bo. / ...Men måne jag finner hos honom / En ort för min längtan och tro, / Der mina drömmar få vaggas / Till hvila i osrörd ro. //) [21. S. 230]. Из этих примеров можно сделать вывод о слиянии образа Котье и поэзии в сознании Сёдергран. Генрих Людвигович эмигрировал из России после революции 1917 г., вернулся во Францию и скончался в Париже в 1930-х гг., как сообщили в Петришеле.

Отметим также пространство тревожности и меланхолии, объединяющее гимназические стихотворения, а также персонификацию смерти, характерные для лирики поэтов – современников Сёдергран. Обращают на себя внимание также стихи, в которых Сёдергран размышляет о роли поэта и поэзии, и особенно стихотворение 1907 г. «К богу поэзии» (нем. An der Gott der Dichtung) [21. S. 90], где она его просит: «Покрой меня поцелуями, / Всемогущий, прекрасный Бог /...», (нем. Bedecke mich mit Küssen, / Allmächt'ger, schöner Gott), на примере которого видно, как ответственно и серьезно она относилась к своему дару. По черновикам, сохранившимся в архиве, заметно, как

много Сёдергран работала над своими стихами. В «Коленкоровой тетради» записаны также первые верлибры «Закат в Иванову ночь» (шв.: En hel flottilje båtar simmar) в июне 1908 г. [21. S. 131] и «Радость – это бабочка» (шв. Glädjen är en fjärl) в январе 1909 г. [21. S. 152]. В январе 1909 г. Сёдергран ушла из школы и уехала из Санкт-Петербурга и никогда больше в нем не жила.

Все приведенные примеры, записанные разными размерами в рамках конвенционального или свободного стихосложения, безусловно, можно назвать, «учебными», «тренировочными» и способными вызвать, как у Улофа Энкеля, первого публикатора «Коленкоровой тетради», «разочарование» (шв. en besvikelse) [21. S. 14]. Однако уже в ювенилиях у Сёдергран развивается красочная система образов, собственных поэтических приемов, особенно метафор, «свежих» эпитетов, которая найдет яркое выражение в зрелой лирике. Мы можем сделать предварительный вывод о том, что потребность передавать романтическое чувство, было ли оно реальным, или все же вымышленным, и обожание педагога стало важным стимулом для развития поэтического таланта Сёдергран. «Коленкоровая тетрадь» требует глубокого осмысления, которое откроет новые грани творчества поэта и позволит составить более точную картину о ней как творце.

Петербургская Петришуле, благодаря которой Сёдергран стала полиглотом и высокообразованным человеком, эстетическое воспитание, круг чтения, а также участие в процессе обучения талантливого педагога по французскому языку оказали значительное влияние на ее становление как поэта. Часто необдуманное слово матери могло направлять ход мысли исследователей на ложный путь, и они преувеличивали эмоциональный фактор в творчестве поэта, однако чтение архивных документов и писем Сёдергран помогает сформировать более ясное представление о раннем творчестве этого выдающегося представителя поэтического модернизма. На приведенных примерах видно, что роль Котье гораздо шире и важнее, чем была представлена до сих пор. Он был тем стимулом, который заставлял Сёдергран шлифовать свой дар и совершенствовать свои умения в стихосложении. Материалы ранее известного источника – «Коленкоровой тетради», а также неопубликованной «Французской тетради» и «Гостевой книги» – продемонстрировали, как с раннего возраста рождался и развивался интерес к поэзии у Сёдергран. Многие образы, которые привлекли ее

внимание в детстве или были проверены в гимназической лирике, перешли и в профессиональное творчество. Обращение к первоисточникам и архивным материалам позволило переосмыслить хорошо известные факты биографии поэта.

Список источников

1. Коллекция метрических книг лютеранских церквей. Приход Св. Екатерины // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. № 1. Ч. 2. 311 л. Актовая запись № 27 за апрель 1892 г.
2. *Ehrström E.G.* Historisk Beskrifning öfwer St Catharina och St Maria Församlingar, eller Svenska och Finska Församlingarna i St Petersburg. Åbo. 1829. 257 S.
3. *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский дом, 2008. 470 с.
4. *Tidestöm G.* Edith Södergran. Stockholm: Aldus, 1960. 264 S.
5. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. Р. Голике, 1887. 827 с.
6. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. В. Киришабаума, 1894. 827 с.
7. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб.: А.С. Суворин, 1895. 873 с.
8. Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб., 1893. Т. 16 (VIII А). 497 с.
9. Чертежи дома и зданий чугунно-литейного завода, на участке, принадлежавшем А.А. Крумбюгелю, Г. Гольмросу и Э. Рейнке, Ш. де Риц-а-Порту по Малой Посадской ул., 15–17 // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. № 8323. 1881–1911. 153 л.
10. Чертежи домов, зданий городских бань, конюшен и кегельбана на участке, принадлежавшем Е. Архангельской, С. Климову, Е. Зезюкиной, наследникам Зезюкиной, Г.М. Гольмросу, Л. Нобелю, Нобелям, Э.Л. Нобелю по Б. Сампсониевскому пр., 29–31, Нюстадской ул., 20 (Б. Сампсониевскому пр., 29–31, и Лесному пр. 20) // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. № 2856. 1851–1906. 318 л.
11. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. Весь Петербург на 1894 год / сост. под ред. Н.И. Игнатова. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1894. 290 с.
12. *Юхнева Н.В.* Шведы в Петербурге в конце XIX – начале XX веков // Шведы на берегах Невы. По материалам российской статистики. Стокгольм: Шведский институт и Балтийский гуманитарный фонд, 1998. С. 111–113.
13. *Иванова Н.И.* Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.). СПб.: Тип. ИОВ РАО, 2002. 265 с.
14. Программы 8 класса женской гимназии 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. № 939. 48 л.

15. Som en eld över askan. Edith Södergrans fotografier. Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1993. 149 S.
16. Переводной список учениц 1903 г. // ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. № 774. 9 л.
17. Переводной список учениц 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. № 804. 10 л.
18. Переводной список учениц 1906 г. // ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. № 820. 10 л.
19. Заметки Елены Сёдергран // Södergranmaterial ur Hagar Olssons kvarlåtenskap. Svenska litteratursällskapetets arkiv, SLSA 774: 1 Manuskript 25. 9 S.
20. *Enckell O.* Edith Södergrans dikter 1907–1909. Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1961. B. I. 296 S.
21. *Enckell O.* Edith Södergrans dikter 1907–1909. Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1961. B. II. 157 S.
22. *Södergran E.* Brev. Samlade skrifter 2. Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1996. 312 S.
23. *Brunner E.* Till fots genom solsystemen. En studie i Edith Södergrans expressionism. Stockholm : Bonniers, 1985. 376 S.
24. Dagens Press. № 20. 25.01.1919. 6 S.
25. Школьная тетрадь по французскому языку // Francais. Edith Södergarns arkiv. Svenska litteratursällskapetets arkiv, SLSA 566:2:1. 237 S.
26. Гостевая книга // Minnesalbum. Edith Södergarns arkiv. Svenska litteratursällskapetets arkiv, SLSA 566:2:3. 180 S.
27. Edith's brev. Brev från Edith Södergran till Hagar Olsson med kommentar av Hagar Olsson. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1955. 230 S.
28. *Södergran E.* Samlade dikter. Helsingfors: Holger Schildt Förlag, 1949. 424 S.
29. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. Весь Петербург на 1900 год. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1900. 876 с.
30. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. Весь Петербург на 1904 год. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1904. 890 с.
31. Адрес-календарь Северного общества Nordisk kalender för året 1909 jämte Adresslista m.m. utgiven av Nordiska Föreningen i St.Petersburg, 1908. 110 s.
32. *Södergran E.* Samlade Skrifter 2. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1996. 312 s.

References

1. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). *Kolleksiya metricheskikh knig lyuteranskikh tserkvey. Prikhod Sv. Ekateriny* [Collection of metric books of Lutheran churches. St. Catherine's Parish]. Fund 2294. List 1. № 1. Part 2. 311 l. Act record No. 27 for April 1892.
2. Ehrström, E.G. (1829) *Historisk Beskrifning öfwer S:t Catharina och S:t Maria Församlingar, eller Swenska och Finska Församlingarna i St Petersburg.* Åbo: [s.n.].
3. Engman, M. (2008) *Finlyandtsy v Peterburge* [Finns in St. Petersburg]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.
4. Tidestöm, G. (1960) *Edith Södergran.* Stockholm: Aldus.

5. Orlov, P.A. (1887) *Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii i Tsarstva Pol'skogo. Materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* [Index of Factories and Plants in European Russia and the Kingdom of Poland. Materials for Factory Statistics]. St. Petersburg: R. Golike.

6. Orlov, P.A. & Budagov, S.A. (1894) *Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii. Materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* [Index of Factories and Plants in European Russia. Materials for Factory Statistics]. St. Petersburg: V. Kirshbaum.

7. Russian Empire. (1895) *Vsya Rossiya. Russkaya kniga promyshlennosti, torgovli, sel'skogo khozyaystva i administratsii: torgovo-promyshlennyy adres-kalendar' Rossiyskoy imperii* [The Entire Russia. The Russian Book of Industry, Trade, Agriculture and Administration: Trade and Industrial Address-Calendar of the Russian Empire]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

8. Brockhaus, F. & Efron, I. (1893) *Entsiklopedicheskiy slovar': v 86 t.* [Encyclopedic Dictionary: in 86 vols]. Vol. 16. St. Petersburg: F. Brockhaus & I. Efron.

9. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). (1881–1911) *Chertezhi doma i zdaniy chugunno-liteynogo zavoda, na uchastke, prinallezhavshem A.A. Krumbyugelyu, G. Gol'mrosu i E. Reyneke, Sh. de Rits-a-Portu po Maloy Posadskoy ul., 15–17* [Blueprints of the house and buildings of the iron foundry, on the plot belonging to A.A. Krumbügel, G. Golmros and E. Reineke, Sh. de Ritz-a-Port at Malaya Posadskaya St., 15–17]. Fund 513. List 102. № 8323.

10. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). (1851–1906) *Chertezhi domov, zdaniy gorodskikh ban', konyushen i kegel'bana na uchastke, prinallezhavshem E. Arkhangel'skoy, S. Klimovu, E. Zezyukinoy, naslednikam Zezyukina, G.M. Gol'mrosu, L. Nobelyu, Nobelyam, E.L. Nobelyu po B. Sampsonievskomu pr., 29–31, Nyustadskoy ul., 20 (B. Sampsonievskomu pr., 29–31 i Lesnomu pr. 20)* [Blueprints of houses, buildings of city baths, stables and a skittle alley on the plot belonging to E. Arkhangelskaya, S. Klimov, E. Zezyukina, heirs of Zezyukin, G.M. Golmros, L. Nobel, the Nobels, E.L. Nobel at Bolshoy Sampsonievsky Ave., 29–31, Nyustadskaya St., 20 (Bolshoy Sampsonievsky Ave., 29–31 and Lesnoy Ave. 20)]. Fund 513. List 102. № 2856.

11. Ignatov, N.I. (ed.) (1894) *Adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga. Ves' Peterburg na 1894 god* [Address and Reference Book of St. Petersburg. All Petersburg for 1894]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

12. Yukhneva, N.V. (1998) *Shvedy v Peterburge v kontse XIX – nachale XX vekov* [Swedes in St. Petersburg at the End of the 19th – early 20th Centuries]. In: *Shvedy na beregakh Nevy. Po materialam rossiyskoy statistiki* [Swedes on the Banks of the Neva. Based on materials from Russian statistics]. Stockholm: The Swedish Institute and the Baltic Humanitarian Foundation. pp. 111–113.

13. Ivanova, N.I. (2002) *Nemetskie predprinimateli v Sankt-Peterburge (XVIII–XX vv.)* [German Entrepreneurs in St. Petersburg (18th–20th Centuries)]. St. Petersburg: IOV RAO.

14. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). (1917) *Programmy 8 klassa zhenskoy gimnazii 1917 g.* [Curriculum for the 8th grade of the women's gymnasium, 1917]. Fund 272. List 1. № 939.
15. Södergran, E. (1993) *Som en eld över askan. Edith Södergrans fotografier.* Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.
16. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). (1903) *Perevodnoy spisok uchenits 1903 g.* [Transfer list of female students, 1903]. Fund 272. List 1. № 774. 9 l.
17. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). (1905) *Perevodnoy spisok uchenits 1905 g.* [Transfer list of female students, 1905]. Fund 272. List 1. № 804. 10 l.
18. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). (1906) *Perevodnoy spisok uchenits 1906 g.* [Transfer list of female students, 1906]. Fund 272. List 1. № 820. 10 l.
19. Södergran, E. (n.d.) *Zametki Eleny Sedergran* [Notes by Elena Södergran]. Södergranmaterial ur Hagar Olssons kvarlåtenskap. Svenska litteratursällskapets arkiv, SLSA 774: 1 Manuskript 25.
20. Enckell, O. (1961a) *Edith Södergrans dikter 1907–1909.* Vol. 1. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.
21. Enckell, O. (1961b) *Edith Södergrans dikter 1907–1909.* Vol. 2. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.
22. Södergran, E. (1996) *Brev. Samlade skrifter 2.* Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.
23. Brunner, E. (1985) *Till fots genom solsystemen. En studie i Edith Södergrans expressionism.* Stockholm: Bonniers.
24. *Dagens Press.* (1919) 25th January.
25. Français. Edith Södergrans arkiv. Svenska litteratursällskapets arkiv. (n.d.) *Shkol'naya tetrad' po frantsuzskomu yazyku* [French Notebook]. SLSA 566:2:1.
26. Edith Södergrans arkiv. Svenska litteratursällskapets arkiv. (n.d.) *Gostevaya kniga* [Guestbook]. SLSA 566:2:3.
27. Södergran, E. (1955) *Edith's brev. Brev från Edith Södergran till Hagar Olsson med kommentar av Hagar Olsson.* Stockholm: Albert Bonniers förlag.
28. Södergran, E. (1949) *Samlade dikter.* Helsingfors: Holger Schildt Förlag.
29. Anon. (1900) *Adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga. Ves' Peterburg na 1900 god* [Address and Reference Book of St. Petersburg. All Petersburg for 1900]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
30. Anon. (1904) *Adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga. Ves' Peterburg na 1904 god* [Address and Reference Book of St. Petersburg. All Petersburg for 1904]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
31. Anon. (1908) *Adres-kalendar' Severnogo obshchestva Nordisk kalender för året 1909 jämte Adresslista m.m. utgiven av Nordiska Föreningen i St.Petersburg, 1908.* [s.l.: s.n.].

32. Södergran, E. (1996) *Samlade Skrifter* 2. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.

Информация об авторе:

Сафонова Л.Ю. – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: luba.sazonova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.Yu. Sazonova, postgraduate student, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: luba.sazonova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 25.05.2025.

The article was accepted for publication 25.05.2025.